

РАСИЗМ, ЭТНИЧНОСТЬ И ДЕМОКРАТИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ¹

В.А. Шнирельман

Институт антропологии и этнографии РАН

Во Франции и в России издавна практиковались два прямо противоположных подхода к этничности. Во Франции в рамках республиканской модели этничность отрицалась², а в России, представляющей собой этнофедеративное государство, она воспринимается позитивно и даже спонсируется государством. Поэтому большого внимания заслуживает то, как выглядит и как воспринимается расизм в различных социально-политических средах, и сравнение России и Франции подходит для этого как нельзя лучше. Такое сравнение позволит нам глубже понять то, о чем уже давно говорят специалисты: расизм вовсе не является какой-либо цельной гомогенной однозначной концепцией и в разных странах выглядит по-разному. Поэтому-то сегодня и оказывается так трудно выработать единое общепризнанное понимание расизма. И это должны учитывать как ученые, так и борцы с расизмом при выработке стратегий противодействия ему.

Традиционно под расизмом понимается концепция, основанная на двух следующих постулатах. Во-первых, она возводит все различия между народами (в культуре, поведении, мировосприятии) к расовым признакам, т. е. к визуальным физическим особенностям людей (цвет кожи, форма носа, цвет и форма волос, разрез глаз и пр.). Во-вторых, на этом основании она утверждает извечное неравенство рас и настаивает на подведении под это правовой базы. Такой расизм, порожденный эпохой колониализма, исходил из представления о высших и низших расах. Вопреки всем имеющимся научным данным он утверждал, что именно расовые различия определяют ход развития истории и культуры.

¹ Расширенный текст доклада, представленного на Международном симпозиуме «Новые методы и подходы в социальной антропологии: российско-французский диалог», организованном ИЭА РАН, Москва, 25-27 сентября 2008. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта 09-01-00078а «Арийская идея в современном мире».

²В течение последнего десятилетия во Франции и Германии отношение к содержанию понятий «нации» и «этничности» существенно изменилось, что заслуживает специального обсуждения. В настоящей статье речь идет о ситуации, наблюдавшейся в течение XX в.

В современном расистском дискурсе этот вид расизма занимает маргинальное положение. После Второй мировой войны расизм стал апеллировать не столько к биологии, сколько к культуре³. Но при этом в расовом мышлении границы между культурами остаются столь же непроходимыми, какими они представлялись прежде между биологическими расами. Современный расизм оперирует понятиями «несовместимости культур», «столкновения цивилизаций», «сохранения традиционного этнокультурного портрета», «порога толерантности», а культурное разнообразие внутри государства и культурная дистанция рассматриваются им исключительно как «угроза». Принципиально важную роль в этом дискурсе играет противопоставление «коренных» «некоренным», опирающееся на культурные аргументы. Сегодня наиболее адекватным определением расизма может служить то, которое дает американский историк Джордж Фредриксон: «О расовых настроениях или идеологии можно говорить в том случае, когда различия, которые могли бы рассматриваться просто как этнокультурные, представляются врожденными, неустраняемыми и неизменными»⁴. В этом определении акцент переносится с соматического типа на культуру, которая фактически биологизируется расистами. В таком понимании расизм выражается в дискриминации тех, кто наделяется какими-либо необычайно устойчивыми и непреодолимыми различиями, причем прежнюю роль «расы» берет на себя «культура». Именно такой расизм более всего характерен для нашей эпохи⁵.

В то же время в разных регионах мира, где «расы» и «культуры» конструируются по-разному, расизм имеет разное обличье⁶. И это, прежде всего, относится к описанию его объекта. Американские расистский дискурс и расистская практика всегда имели дело с «большими расами» – «белой», «черной», «желтой», к которым в последние полвека прибавились «испаноязычные». А в Европе популярные представления о «расе» и «этнической группе» нередко смешивались, и местные расисты часто не проводили различий между «расой» и «народом». В этом случае расизм полностью сливается с этнонационализмом и грозит дегуманизацией инокультурных «Других» и этническими чистками⁷.

³Guillaumin C. 'Race' and discourse // Silverman M. (ed.). *Race, discourse and power in France*. Aldershot: Avebury, 1991. P. 9-13; Шнирельман В.А. Расизм: вчера и сегодня // *Pro et Contra*, 2005, том 9, № 2. С. 41-65.

⁴Fredrickson G. M. *Racism: a short history*. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 2002. P. 5. О связи расизма с биологизацией культуры см. там же. P. 7-8.

⁵Но некоторые авторы полагают, что враждебность, вызванную культурной (а не биологической) инаковостью, следует называть ксенофобией. См., напр.: Banton M. *Ethnic and racial consciousness*. London: Longman, 1997. P. 44, 121.

⁶Miles R. *Racism and migrant labour: a critical text*. London: Routledge and Kegan Paul, 1982; Marx A. W. *Making race and nation: a comparison of the United States, South Africa and Brazil*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998; Banton M. *Racial theories*. Cambridge: Cambridge Univ Press, 1998. P. 160-163; idem. *Racism today: a perspective from international politics* // *Ethnic and racial studies*, 1999, vol. 22, no. 3. P. 611; Bourdieu P., Wacquant L. *On the cunning of imperialist reason* // *Theory, culture and society*, 1999, vol. 16, no. 1. P. 44-45; Bonnett A. *Anti-racism*. London: Routledge, 2000. P. 52-65; Goldberg D. T. *Racist culture: philosophy and the politics of meaning*. Oxford: Blackwell, 1993. P. 91; idem. *The racial state*. Oxford: Blackwell, 2002.

⁷Э. Балибар даже вводит термин «этнический расизм». См.: Балибар Э., Валлерстайн И. *Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности*. М.: Логос-Альтера, 2003. С. 58-67. См. также: Bauman Z. *Modernity and ambival-*

Сегодня в контексте массовых миграций в Европу из стран Третьего мира проблематика расизма практически слилась с дискурсом об этнических меньшинствах или об «инокультурных Других», и в центре обсуждения оказалась не биология, а культура⁸.

С этой точки зрения, американская модель, где именно «раса», а не этничность, наделяется глубоким политическим и социальным смыслом, радикально отличается от европейской и, особенно, восточноевропейской модели, допускающей приписывание этничности биологической сущности или же делающей именно этничность важнейшей социально-политической категорией. Все это вполне вписывается в расовое мышление⁹. Как отмечает один социолог, в Европе «этничность» превратилась в политкорректный термин, пришедший на смену вышедшему из употребления термину «раса»¹⁰. А, по словам британского социолога, «различия между расой, “этничностью” и “нацией” всегда затушеваны»¹¹. Другой британец с еще большей уверенностью утверждает, что «сегодня в Европе ... представления о расе связаны с концепциями нации». По его словам, в Великобритании, Франции и Германии в общественном дискурсе о нации постоянно содержится подспудное убеждение в том, что истинными гражданами данных стран могут быть только белые¹².

Все эти наблюдения указывают на одну характерную особенность, типичную для европейского мышления, вызванную местной исторической практикой. Речь идет о смешении в общественном дискурсе понятий «этничность», «раса» и «нация», между которыми специалисты проводят существенные различия. Что позволяет такому смешению? В Европе этничность нередко связывается с происхождением, а расе в свою очередь иной раз приписываются культурные особенности. Европейскому контексту не чуждо понятие этнической нации, предполагающее, что нация имеет не только политическое, но и лингвокультурное измерение. Наконец, в Европе именно этнические или религиозные группы веками подвергались, а кое-где и до сих пор подвергаются дискриминации, угнетению и гонениям. Ссылаясь на свое реальное неполноправное положение в прошлом или используя метафору «гонения», сегодня такие группы взывают к справедливости и требуют уважения своих коллективных прав. По справедливому замечанию британских авторов, нынешние «расовые и этнические идентичности ... нередко являются продуктом сопротивления и по-

ence. Cambridge: Polity Press, 1991. P. 27; Rattantsi A. “Western” racisms, ethnicities and identities in a “postmodern” frame // Rattantsi A., Westwood S. (eds.). Racism, modernity and identity: on the Western front. Cambridge, UK: Polity Press, 1994. P. 25-26, 55-56; Werbner P. Islamophobia: incitement to religious hatred – legislating to a new fear? // Anthropology today, 2005, vol. 21, no. 1. P. 6.

⁸Solomos J., Back L. Introduction: theorizing race and racism // Back L., Solomos J. (eds.). Theories of race and racism. A reader. London: Routledge, 1999. P. 20.

⁹Дэвид Голдберг даже вводит понятие «этнорасы», но, на его взгляд, это применимо и к ситуации в США. См.: Goldberg D. T. Racist culture: philosophy and the politics of meaning. Oxford: Blackwell, 1993. P. 74-78.

¹⁰Popeau J. Race/ethnicity // Jenks C. (ed.). Core sociological dichotomies. London: Sage, 1998. P. 166.

¹¹Rattantsi A. The uses of racialization: the time-spaces and subject-objects of the raced body // Murji K., Solomos J. (eds.). Racialization: studies in theory and practice. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 272.

¹²Wade P. Human nature and race // Anthropological theory, 2004, vol. 4, no. 2. P. 162.

литической борьбы, в которых ключевая и активная роль принадлежит расиализованным меньшинствам»¹³. Иными словами, в Европе этнические меньшинства расчищают для себя место в социальном и политическом пространстве теми же методами и на тех же основаниях, что и небелое население в США. Но, если в США по своей социальной и политической значимости этничность далеко уступает расе, то в Европе (особенно, в Восточной) ее роль во многом сходна.

Мало того, некоторым из былых этнических меньшинств уже удалось добиться политической самостоятельности и создать свое государство на этнических началах. Это, в особенности, характерно для Восточной Европы и Закавказья. Поэтому такие группы остро нуждаются в образе своей самобытной истории, способном наглядно представить мировому сообществу факты, доказывающие угнетение или гонения, пережитые ими в прошлом. Ведь именно это должно легитимизировать национально-освободительную борьбу и оправдывать стремление к получению заслуженного приза – политической независимости. Однако такой образ прошлого, стремящийся изобразить группу спайным единством, существующим на протяжении веков, не может обойтись без метафоры «происхождения», связывающей всех членов группы нерасторжимыми узами и воздвигающей непроходимую стену между ней и «чужаками». Тем самым, борьба за «сохранение национальной идентичности» иной раз оказывается одним из выражений «нового расизма»¹⁴. Мало того, в современном мире эссенциализм эффективно используется и Новыми правыми, остро нуждающимися в жестких границах как культуры, так и нации, чтобы прочно закрыть к ним доступ «чужакам»¹⁵. Это порождает давно уже отмеченную специалистами парадоксальную ситуацию, когда правые радикалы, выступающие от имени доминирующего большинства, и духовные лидеры этнических и этно-расовых меньшинств говорят на одном языке.

В постсоветском мире производство и воспроизводство метафоры «происхождения» обслуживается понятием «этногенез», под которым понимается формирование этнической группы или «народа», корни которого уходят якобы в глубокую первобытность. Как мне уже приходилось отмечать, понимание «этногенеза» западными учеными и их восточноевропейскими коллегами существенно различается¹⁶. В Западной науке вслед за М. Вебером этническую группу принято связывать с наличием четкого этнического самосознания, и этногенез соответственно понимается как процесс, во-первых, формирования строгой границы между этническими группами и, во-вторых, ее натурализации в самосознании. Иными словами, западные ученые делают упор, прежде всего, на

¹³Solomos J., Back L. *Racism and society*. London: MacMillan, 1996. P. 207.

¹⁴Ibid. P 210.

¹⁵Solomos J., Back L. Introduction: re-thinking ethnic and racial studies // *Ethnic and racial studies*, 1998, vol. 21, no. 5. P. 829; Gingrich A., Banks M. (eds.). *Neo-nationalism in Europe and beyond*. New York: Berghahn Books, 2006.

¹⁶Shnirelman V. Who gets the past? Competition for ancestors among non-Russian intellectuals in Russia. *Washington D. C., Baltimore & London: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press*, 1996. P. 1-2.

психологическом факторе и понимают процесс этногенеза как вызревание чувства единства, независимо от того, на чем оно основано. Предполагается, что такое чувство возникает в условиях культурной границы и питается отношениями того или иного неравенства, опирающегося на культурные различия. Соответственно делается вывод о том, что мощный толчок этногенезу дает сложившаяся государственность, выковывающая общественное единство и выстраивающая внутренние социокультурные границы политическими методами. Некоторые авторы придают современному государству критическую роль в этногенезе и прямо связывают последний с осознанной борьбой против дискриминации или даже этноцида в условиях быстрых и резких социополитических изменений. При этом считается, что во многих регионах мира этничность явилась плодом колониализма и капитализма. Очень важным моментом этой концепции, отличающей ее от российской, служит акцент на сознательном поведении, направленном на создание особой общности, противостоящей доминирующему населению¹⁷. Иногда этногенезу придается еще более узкое значение, и речь идет о процессе появления этнического сознания и росте этнической сплоченности у иммигрантов, осознающих свое единство в рамках чужого государства¹⁸. Впрочем, даже если делается попытка различить разные модели формирования этнических групп, этот процесс все-таки относится к недавнему прошлому или же считается явлением, происходящим на наших глазах¹⁹.

Этот подход позволяет, в частности, понять, почему доминирующее население, в отличие от меньшинств, очень часто отличается слабовыраженным этническим самосознанием, что отравляет жизнь соответствующим великодержавным этнонационалистам. Действительно, доминирующее население, как правило, отождествляет себя с местной государственностью, верит в ее прочность и незыблемость и не стремится вникать в проблемы, которыми озабочены

¹⁷Banton M. The idea of race. London: Tavistock Publications, 1977. P. 136-155; Gellner E. Nations and nationalism. Oxford: Basil Blackwell, 1983. P. 75; Horowitz D. Ethnic groups in conflict. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 64-70; Roosens E. E. Creating ethnicity: the process of ethnogenesis. Newbury Park, Calif.: Sage, 1989; Verdery K. Ethnicity as culture: some Soviet-American contrasts // Canadian Review of Studies in Nationalism, 1988, vol. 15; Eriksen T. Ethnicity and nationalism. Anthropological perspectives. London: Pluto Press, 1993. P. 78-83; Keating M. Nations against the state. The new politics of nationalism in Quebec, Catalonia and Scotland. N. Y.: St. Martin's Press, 1996. P. 13; Gladney D. C. Relational alterity: constructing Dungan (Hui), Uygur, and Kazakh identities across China, Central Asia, and Turkey // History and Anthropology, 1996, vol. 9, no. 4; Hill J. D. Introduction: ethnogenesis in the Americas, 1492-1992 // J. D. Hill (ed.). History, power and identity. Ethnogenesis in the Americas, 1492-1992. Iowa: Univ. of Iowa Press, 1996; Whitten N. E. Ethnogenesis // D. Levinson, M. Ember (eds.). The Encyclopedia of Cultural Anthropology. Vol. 2. N. Y.: Henry Holt, 1996; idem. The Ecuadorian Levantamiento Indigena of 1990 and the epitomizing symbol of 1992 // J. D. Hill (ed.). History, power and identity. Ethnogenesis in the Americas, 1492-1992. Iowa: Univ. of Iowa Press, 1996; Laitin D. D. Identity in formation. The Russian-speaking populations in the Near Abroad. Ithaca and London: Cornell University Press, 1998; Kohl Ph. L. Nationalism and archaeology: on the constructions of nations and the reconstructions of the remote past // Annual Review of Anthropology, 1998, vol. 27. P. 231-232. С этих же позиций некоторые американские и британские социологи, говоря о «формировании рас», имеют в виду складывание расового самосознания и его воплощение в политической активности. Об ином подходе см.: Smith A. D. National identity. London: Penguin books, 1991. P. 25-37.

¹⁸Greeley A. Ethnicity in the United States. New York: John Wiley, 1974. P. 293-309; Bakalian A. American-Armenians. From being to feeling Armenian. New Brunswick: Transaction Publishers, 1993. P. 48-49.

¹⁹Petersen W. Ethnicity counts. New Brunswick: Transaction Publishers, 1997. P. 19-24.

этнические меньшинства²⁰. Поэтому представители доминирующего большинства, культура которого находится в относительной безопасности, более склонны развивать политически нейтральную версию отдаленного прошлого, чем представители меньшинств, опасющиеся за свое будущее²¹. Доминирующее большинство, как правило, ассоциирует себя с универсальными общечеловеческими, а не со специфически этническими ценностями, и поэтому его этническое самосознание неизбежно ослаблено²². Как это сформулировал один аналитик, «преимущество положения правителя заключается в том, что не нужно беспокоиться о том, кто ты такой... Ведь особенности присущи другим культурам, тогда как свой собственный образ жизни выглядит нормой...»²³. Кроме того, доминирующее население, как правило, обладает инклюзивной идентичностью. Такая идентичность по своей функции сочетается с отсутствием резких этнических границ; эти границы всегда размыты, что и позволяет ассимилировать и интегрировать меньшинства. Но именно поэтому доминирующее население менее склонно постоянно подчеркивать свою этничность, как это делают этнические меньшинства.

Вместе с тем, нетрудно заметить, что западный подход при всей своей справедливости не позволяет углубляться достаточно далеко в историю. Ведь источники, из которых можно почерпнуть данные о четком групповом самосознании, относятся к сравнительно недавнему прошлому. Поэтому появившиеся в последние годы на Западе исследования по этногенезу касаются лишь процессов относительно недавнего прошлого или тех, которые происходят буквально на глазах у исследователей, когда имеется возможность проследить особенности формирования групповой идентичности.

Напротив, в советской, а вслед за ней и в российской науке, этногенез понимался и понимается совершенно иначе. Речь шла и идет о сложении тех «объективных оснований» (физического типа, языка, культуры), на которых строилось все здание этничности, т. е. фактически изучается «вещь в себе». Однако в применении к человеческому обществу этот подход вызывает много вопросов. Ведь, если группа себя не осознает, то является ли она группой? И способны ли, так называемые, «объективные основания» сами по себе сформировать группу, или для этого нужны еще какие-либо дополнительные факторы? Как именно, в каких обстоятельствах и при каких условиях, пользуясь кантовским языком, *Ding an sich* способна стать *Ding für sich*? И какую именно роль играют в этом «объективные основания»? Скажем, идет ли речь об их

²⁰Spicer E. H. The nations of a state // Karl Kroeber (ed.). American Indian persistence and resurgence. Durham, London: Duke University Press, 1994. P. 35-38.

²¹Diaz-Andreu M., Champion T. C. Nationalism and archaeology in Europe: an introduction // M. Diaz-Andreu, T. C. Champion (eds.). Nationalism and archaeology in Europe. London: UCL Press, 1996. P. 7, 15.

²²Rex J. The problematic of multinational and multicultural societies // Ethnic and Racial Studies, 1997, vol. 20, no. 3. P. 457, 463. См. также: Banks M. Ethnicity: anthropological constructions. London and New York: Routledge, 1996. P. 149-160.

²³Eagleton T. The idea of culture. Oxford: Blackwell, 2000. P. 46.

инструментальном или чисто символическом использовании? Между тем, сегодня все эти сложные вопросы полностью игнорируются теми, кто использует данные об этногенезе в политических целях. В результате различие между *Ding an sich* и *Ding für sich* стирается, и в общественном сознании предки полностью отождествляются с потомками. Фактически изучение *Ding an sich* способствует укреплению эссенциалистского подхода, а изучение *Ding für sich* хорошо соответствует конструктивистскому.

Исходя из первого подхода, начала этногенеза теряются в самых отдаленных эпохах, но это не охлаждает пыл исследователей, которые всеми силами пытаются их обнаружить. В итоге сегодня в поиске таких истоков местные ученые все чаще обращаются к эпохе палеолита, где биологическое начало неизбежно сливается с культурным, а этногенез – с антропогенезом²⁴. Так, «этнос» получает биологическое измерение, что создает псевдонаучное основание для биологизации этничности, которая обретает все большую популярность как в общественном, так и в научном дискурсе в России и в ряде постсоветских государств.

На Западе не идут так далеко, и там идея «происхождения» и «глубоких корней» культивируется лишь правыми популистами, склонными к расизму²⁵. Например, сегодня английские правые радикалы пытаются вести генеалогию британцев с начала позднего палеолита²⁶.

Но расиализация этничности не чужда общественному мнению и в Западной Европе. Например, в 2001 г. во время переписи населения в Великобритании вопрос об этнической принадлежности вызвал у людей однозначные ассоциации с цветом кожи. Соответственно были получены следующие ответы: «белый», «смешанный», «азиат или азиато-британец», «черный или черный британец», «китаец» и т. д. При этом в группу «смешанных» вошли «черно-белые выходцы из Карибского бассейна», «черно-белые африканцы», «бело-азиаты» и пр. В Испании, Нидерландах и Финляндии этничность также связывают с цветом кожи²⁷. В Норвегии «иммигранты» безоговорочно ассоциируются не

²⁴Об этой тенденции и ее как научных, так и политических основаниях см.: Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ Академкнига, 2003; он же. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛЮ, 2006; Shnirelman V. *Purgas und Pureš: Urahnen der Mordwinen und Paradoxa der mordwinischen Identität* // Khelimsky E. (ed.). *Mari und Mordwinen im heutigen Russland: Sprache, Kultur, Identität*. Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 2005. S. 529-563.

²⁵Guillaumin C. 'Race' and discourse // Silverman M. (ed.). *Race, discourse and power in France*. Aldershot: Avebury, 1991. P. 9.

²⁶Об этом см.: Banks M. *Performing 'Neo-nationalism'* // Gingrich A., Banks M. (eds.). *Neo-nationalism in Europe and beyond*. P. 58.

²⁷Griffin G. *Gender, race, ethnicity and nationality in Europe: findings from a survey of Women's Studies students* // Griffin G. (ed.). *Doing women's studies: employment opportunities, personal impacts and social consequences*. London: Zed Books, 2005. P. 199, 202. Европейское исследование женщин, проведенное в 2001-2003 гг., показало, что в странах, переживших фашизм, люди были гораздо менее склонны давать ответ на вопрос об этничности, чем в других странах. Исследователи объясняют это памятью о расистской политике фашистских режимов (Ibid., p. 200-201). Но, возможно, речь идет и о стремлении дистанцироваться от современных политиков-расистов. О том, что обе эти причины могут определять нежелание немецких студентов обсуждать вопросы расы, см.: Aveling N. *More than just skin color: reading whiteness across different locations* // Tisberger M., Dietze G., Hrzan D., Husmann-Kastein J. (Hrsg.). *Weiss – Weisssein – Whiteness. Kritische Studien zu Gender und Rassismus*.

только с «темной кожей», но и с «чуждой культурой»²⁸. Иными словами, этничность там повсюду рассматривают в свете представлений об инорасовых «пришельцах с юга».

Нередко доминирующее в стране население, как уже отмечалось, не воспринимает себя в этнических терминах и считает свои интересы, институты и ценности универсальными. В этом случае «этническое» резервируется за инокультурными Другими. Это, например, демонстрируют англичане в Великобритании или поляки в Польше, а в своем классическом виде это встречается в США²⁹. Сегодня во Франции, говоря о «культурном разнообразии», имеют в виду именно «Других», «небелых»³⁰.

Иначе обстоит дело в Германии, где немцы издавна видят себя в виде спайного этнокультурного тела. Это возникло исторически, ибо представление о культурном единстве сложилось в германских землях до того, как те были объединены в рамках единого государства. Вот почему там создалась благоприятная обстановка для отождествления культурного единства с «расой». Поэтому расизм в Германии фактически слился с этническим национализмом, и его главными сторонниками выступали как консерваторы, так и либералы, выходцы из среднего класса. Как отмечала Ханна Арендт, им льстила идея «врожденного благородства», содержащая в себе понятие о «природных привилегиях», которому было имманентно присуще биологическое измерение³¹. Выработанные ими расовые представления оказались очень устойчивыми. И в современной Германии, отказавшись от расовой терминологии, люди с успехом воспроизводят связанные с ней смыслы, говоря об «этничности», «идентичности», «культуре» и «чужаках-пришельцах»³².

При этом, как подчеркивала еще Х. Арендт, в Германии и Великобритании расовый образ мысли отличается от французского. Соответственно отношение к этничности там тоже иное, и это существенно влияет на институционализованную практику. Например, в Великобритании выходцы из стран Британского содружества считаются подданными короны, и конфликта между этничностью и гражданством не возникает. Там этничность наделяется позитивным смыслом и

Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. S. 36.

²⁸Gullestad M. Imagined kinship // Gingrich A., Banks M. (eds.). Neo-nationalism in Europe and beyond. P. 73-74, 84-86.

²⁹Banks M. Ethnicity: anthropological constructions. London: Routledge, 1996. P. 158-160. Дж. Рекс связывает это явление с имперскими народами, но, очевидно, оно гораздо шире. См.: Rex J. The problematic of multinational and multicultural societies // Ethnic and racial studies, 1997, vol. 20, no. 3. P. 457, 463.

³⁰Филиппова Е. И. «Этническая статистика»: средство для борьбы с дискриминацией или для маркирования «чужаков» (включенное наблюдение за одной французской дискуссией). Доклад на Международном семинаре «Расизм, ксенофобия и дискриминация. Какими мы их увидели...», Москва, Институт Африки РАН, 27-28 мая 2010.

³¹Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996. С. 237-244.

³²Gingrich A. Concept of race vanishing, movements of racism rising? Global issues and Austrian ethnography // Ethnos, 2004, vol. 69, no. 2. P. 164-165, 167; Tisberger M. The project(ions) of 'civilization' and the counter-transferences of Whiteness: Freud, Psychoanalysis, 'Gender' and 'Race' // Tisberger M., Dietze G., Hrzan D., Husmann-Kastein J. (Hrsg.). Weiss – Weisssein – Whiteness. Kritische Studien zu Gender und Rassismus. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. P. 92-93.

практикуется мультикультурализм. Но во Франции эту модель называют «коммунитаристской» и подвергают жесткой критике.

Гражданство во Франции определяется полной ассимиляцией во французское общество, традиционно не признающее никаких локальных идентичностей. В этом смысле в отличие от релятивистской и плюралистической британской модели интеграции, французская отличается универсалистским характером³³. Французский антирасизм, основывающийся на республиканской политической культуре, взял на вооружение принцип «цветной слепоты». Он не только был направлен против дискриминации, основанной на культурных различиях, но видел выход в ассимиляции новоприбывших, якобы способной эффективно преодолеть расизм. В этих условиях этническим чувствам места в общественной жизни не оставалось; они допускались лишь в частной интимной сфере³⁴. Напротив, в основе политической системы Великобритании лежит принцип плюрализма, включающий и толерантное отношение к культурным различиям. Это и сделало возможным введение там мультикультурализма.

Зато во Франции господствует модель единой интегрированной нации, и признание этнических меньшинств, не говоря уже о предоставлении им каких-либо особых прав и привилегий, запрещается 2-ой статьей Конституции. Соответственно этницизм, или «этнизм», там уже давно сближается или даже отождествляется с расизмом, который обвиняют в попытках раскола нации. При этом особенность Франции состоит в том, что, как тонко подметила Х. Арндт, там расизм родился и долго развивался как идеология, выдвигавшаяся аристократами, чуждыми духу республиканского национализма среднего класса. Этот расизм даже откровенно выступал против национализма и был антинациональным по сути³⁵. Возможно, поэтому расизм не получил там такого большого распространения как в Германии.

Правда, сегодня социальная база французского расизма значительно изменилась, что продемонстрировали успехи «Национального фронта» Ле Пэна во время президентских выборов 1993 и 2001 гг. По признанию французских социологов, сегодня расизм проявляется во Франции прежде всего в институциональных формах, где популярны категории «свой/чужой», «коренной/некоренной» и где статистика народонаселения иной раз апеллирует к «этнорасовым категориям»³⁶.

Во Франции принято отождествлять «расы» с отдельными культурно-языковыми, или региональными, группами, соответствующими «этносам» отече-

³³Schnapper D. La communauté des citoyens. Sur l'idée moderne de nation. Paris: Gallimard, 1994; Bonnett A. Anti-racism. London: Routledge, 2000. P. 52-65.

³⁴Lentin A. Racism and anti-racism in Europe. London: Pluto Press, 2004. P. 116-117.

³⁵Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: Центрком, 1996. С. 234-237, 244-249.

³⁶Батай Ф. Расизм, антирасизм, борьба против дискриминации: новые темы и объекты исследования. Доклад на Международном семинаре «Расизм, ксенофобия и дискриминация. Какими мы их увидели...», Москва, Институт Африки РАН, 27-28 мая 2010; Блюм А. Нужна ли особая статистика для того, чтобы увидеть расизм, дискриминацию и ксенофобию? Доклад там же. См. также: Филиппова Е. И. «Этническая статистика»: средство для борьбы с дискриминацией или для маркирования «чужаков» (включенное наблюдение за одной французской дискуссией). Доклад там же.

ственной этнографии³⁷. Иными словами, этничность там связывают не столько с соматическими, сколько с культурными особенностями или даже с «духом». Но признание этнических групп противоречит французским универсалистским принципам, ибо в них видят угрозу французскому национальному единству. Это и служит одной из причин, по которым расовая терминология во Франции запрещена. Однако, как с сожалением отмечают современные французские авторы, даже при отсутствии прямых отсылок к «расе» ее дискурсивную функцию хорошо выполняют «этничность», «культура» или «происхождение», а «культурализация» с успехом заменяет «расиализацию»³⁸.

Вот почему, обращаясь к термину «этнизация», французский социолог Мишель Вьевьорка обеспокоен ростом интереса молодежи к категориям и определениям этно-расового характера. Ведь это, на его взгляд, означает разрыв с республиканской традицией и восстановление иерархии на расовом основании³⁹. По его мнению, расизм в своем узком биологическом смысле коренится в коммунитаризме и тесно связан с идентичностью, а «коммунитаризм» и «коммунитаристские движения» однозначно ассоциируются с расизмом. Тем самым, с точки зрения французского универсализма, коммунитаризм, основанный на культурной идентичности, создает благоприятную почву для возникновения расизма, хотя и не предопределяет его автоматически⁴⁰.

В свою очередь французский социальный антрополог Андре Буржо отмечает, что «чрезмерно настойчивое утверждение права на отличительность парадоксальным образом несет в себе, в период кризиса, потенциал отторжения и исключения: отторжения других культур во имя специфичности каждой культуры, основывающейся на системе гегемонистских ценностей». И далее: «воинствующие претензии на идентичность могут породить расистские проявления...»⁴¹.

Правда, некоторые французские социологи, признавая сходство процессов этнизации и расиализации, замечают, что, если первая имеет только социальное и культурное измерение, то вторая добавляет к этому представление о «происхождении». Обе создают образ Другого, но первая допускает изменения, а вторая утверждает неизменность и обрекает человека на социальное положение, которое закрепляется за ним пожизненно. Однако такие смысловые нюансы общественным дискурсом игнорируются, и, как указывают цитируемые авторы,

³⁷Guillaumin C. L'idéologie raciste: genèse et langage actuel. Paris: Mouton, 1972; Филиппова Е. И. Что такое Франция? Кто такие французы? // Тишков В. А., Шнирельман В. А. (ред.). Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 188-189.

³⁸Wieviorka M. The arena of racism. London: Sage, 1995. P. 103-116; De Rudder V., Poiret Ch., Vourc'h F. L'inégalité raciste. L'universalité républicaine à l'épreuve. Paris: Presses Universitaire de France, 2000. P. 35.

³⁹Вьевьорка М. Соблазн антисемитизма. М.: ИВ РАН, 2006. С. 134-138.

⁴⁰Wieviorka M. The arena of racism. London: Sage, 1995. P. 103-116.

⁴¹Буржо А. Счастливым народам этносы не нужны // Этнопанорама, 2005. № 3-4. С. 55. В то же время, по словам Аланы Лентин, такая позиция мешает многим французам отличать антирасистскую деятельность выходцев из Северной Африки от коммунитаризма. См.: Lentin A. Racism and anti-racism in Europe. London: Pluto Press, 2004. P. 116, 128-129.

сегодня, когда культура биологизируется, граница между этницизмом и расизмом исчезает⁴².

А в Восточной Европе этничность в XX в. была политизирована и институционализована, и мультикультурализм принял политическую форму, воплощаясь в создании и воспроизводстве этнонаций, в том числе, в рамках этнофедеративного устройства. При этом официальная идеология пролетарского интернационализма оказалась неспособной преодолеть силу институционализованного этнонационализма. И в конечном итоге политическая конкуренция этнонациональных элит оказалась много сильнее метафоры «дружбы народов», что, в частности, и привело к крушению ряда федераций, основанных на этнических принципах (СССР, СФРЮ, Чехословакия).

В России этничность принято отличать от расы, однако отчетливая биологизация этничности показывает, что и здесь расовые ассоциации присутствуют, хотя нередко в скрытом виде. Распространенная в публичном и отчасти в научном дискурсе эссенциализация этничности создает питательную почву для расиализации этнических категорий и популярности этнорасового мышления. Чем вызывается эссенциализация этничности и ее стойкость в общественном сознании в России? Во-первых, силой традиции, ибо в России до сих пор не преодолено позитивистское представление о народной (этнической) культуре как закрытой системе со строго очерченными границами⁴³, заимствованное отечественными интеллектуалами из германской традиции еще в первой половине XIX в. Такое представление было типичным в целом для науки XIX – значительной части XX вв. Но, хотя в течение последних двадцати-тридцати лет западная наука успешно его преодолевает, в отечественной научной традиции это происходит с большим трудом.

Во-вторых, что еще важнее, склонность к эссенциализации этничности вызывается ее политизацией и институционализацией, уходящими корнями к советским идеологии и политической практике этнической федерации⁴⁴. Советская идеология содержала разительные противоречия. В течение последних советских десятилетий власть, с одной стороны, пыталась сформировать единую советскую общность, понимаемую в культурно-историческом смысле, и боролась с «национализмом», отождествлявшимся с «этническим национализмом». Но, с другой, она одновременно спонсировала этничность и укрепляла республики, основанные на этнических принципах. В советском мышлении выковывался образ «самобытных чистых этнических культур», призванный легитимировать территориальную этническую автономию. Так, сохранение «самобытности» приобретало ценностный характер, а билингвизм и бикультурализм вызывали

⁴²De Rudder V., Poiret Ch., Vourc'h F. L'inégalité raciste. L'universalité républicaine à l'épreuve. Paris: Presses Universitaires de France, 2000. P. 32-33.

⁴³Х. Арендт определяет такие представления как «органико-биологические». См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. С. 239.

⁴⁴Воронков В. Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Малахов В. С., Тишков В. А. (ред.). Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН, 2002.

подозрение, хотя на практике во многих контекстах именно они определяли реальную этнокультурную ситуацию.

В-третьих, навязывавшийся советскими институтами эссенциализм оказывал влияние на представителей всех этнических групп без исключения. Он даже с благодарностью воспринимался этническими меньшинствами, так как в течение долгих лет эта парадигма была одним из немногих ресурсов, помогавших им бороться за самосохранение и повышение своего статуса. Наконец, как отмечал американский социолог Г. Уайнент, проводимая в США неоконсервативами политика «цветной слепоты» не только не снижает роль расы, но, напротив, эссенциализирует расу и закрепляет расовую иерархию⁴⁵. Сходный эффект имело и строительство «единого советского народа», которое лишь эссенциализировало и упрочивало отдельные этничности, тем более что этнофедеральное устройство основывалось на этнополитической иерархии.

Наконец, в-четвертых, на шоковую терапию начала 1990-х гг. и последующие события (война в Чечне, дефолт) российское общество резко отреагировало сдвигом к акценту на порядок и стабильность. Стремление недопущения кошмара 1990-х гг. отвело стабильности почетное место в системе ценностей. Но что больше всего символизирует стабильность и устойчивость как ни биологическое наследие? Поэтому немало российских интеллектуалов, охваченных идеей консерватизма, отчаянно ищут для нее надежную опору и находят такую в «вечных ценностях», «народном менталитете», «традиционных устоях», а некоторые ученые (особенно психологи и культурологи) всячески пытаются приписать им биологическую основу. Так биология становится символическим гарантом от новых потрясений.

Когда-то английский социолог Майкл Бэнтон писал, что расизм – это «учение о том, что поведение человека детерминировано постоянными врожденными свойствами, объясняющимися его принадлежностью к одной из рас, имеющих свои отличительные черты и, как правило, находящихся друг с другом в отношениях высших/низших»⁴⁶. Если мы заменим термин «раса» на «этнос», то первая часть этого определения будет идеально описывать представления, широко распространенные в российском обществе и нашедшие свое выражение в теории этногенеза Льва Гумилева. Что же касается второй части, то она соответствует как иерархическому этноадминистративному строению советского общества, так и примерам этнократического распределения власти в постсоветскую эпоху.

В отечественной науке понимание потенциальной связи этнического фундаментализма с расизмом пришло еще в советские годы, когда видный американист А. В. Ефимов обращал внимание на «этническое качество биологической категории “раса”» и призывал изучать условия, в которых «раса приобре-

⁴⁵Winant H. Racism today: continuity and change in the post-civil rights era // *Ethnic and Racial Studies*, 1998, vol. 21, no. 4. P. 763.

⁴⁶Banton M. The concept of racism // Zubaida S. (ed.). *Race and racialism*. London: Tavistock, 1970. P. 18.

тает социальное качество»⁴⁷. Но, если в советское время это звучало теоретической абстракцией и не привлекло внимания специалистов, то в современной России названное явление получило жгучую актуальность. И не случайно известный российский этнолог В. А. Тишков считает этнонационализм «формой расизма в России»⁴⁸. По определению философа В. С. Малахова, имеющего в виду российскую действительность, «расизм – это установление отношений зависимости между социальным положением некоторой группы и культурными характеристиками этой группы»⁴⁹. Это мнение разделяет и американская исследовательница, по словам которой, в России «нация» и «национальность» служат заменой понятия «раса»⁵⁰.

Сегодня становится ясно, что в российском общественном дискурсе «раса» представляется, прежде всего, культурной конструкцией, о чем ярко свидетельствует бытовое понятие «черные». Действительно, в бывшем СССР и в современной России этничность обладала теми самыми свойствами, которые американские социологи связывают с расой: она очень часто навязывалась с помощью созданных чиновниками и учеными классификаций, являлась продуктом современного научного «изобретения», имела прямое отношение к власти и доступу к тем или иным ресурсам, включала понятие об ущербности и прямо или косвенно культивировала представление о своей врожденности, «естественности»⁵¹.

Следовательно, именно советская политическая практика, законодательно закреплявшая иерархию народов и этнических культур, была главной причиной сохранения и упрочения эссенциалистских представлений. Она получила новый импульс в эпоху постсоветских преобразований 1990-х гг., приведших к становлению этнократических режимов в различных регионах Евразии. Заметная роль этнонациональных движений в крушении Советского Союза и его распад по этнонациональным границам создали представление об основополагающем значении этнического (т. е. этнорасового) фактора в истории. Теоретическим основанием этому служит псевдонаучная теория этногенеза, выстроенная Л. Гумилевым и получившая необычайную популярность в постсоветское время. Кроме

⁴⁷Ефимов А. В. Социальный аспект биологической категории «раса» // Ефимов А. В. (ред.). Против расизма. М.: Наука, 1966. С. 27-46; он же. Всеобщая декларация прав человека и Декларация 1967 г. о борьбе против расизма // Ефимов А. В и др. (ред.) Народы против расизма. М.: Наука, 1970. С. 7-15.

⁴⁸Тишков В. А. Этнология и политика. М.: Наука, 2001. С. 164-165; он же. Через 10-15 лет город будут населять другие москвичи // Известия, 18 июня 2002. С. 9. См. также: Щербаков Н. Г. Идеологи современного отечественного расизма // Балезин А. Г. (ред.). Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте. М.: ИВИ РАН, 2000. С. 94-103; Давидсон А. Б. Антирасистский расизм? // Новая и новейшая история, 2002, № 2. С. 70; Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ Академкнига, 2003. С. 515; Фадеичева М. А. Идеология и дискурсивные практики «нацизма» в современной России // Полис, 2006, № 4. С. 59.

⁴⁹Малахов В. С. Расизм и мигранты // Неприкосновенный запас, 2002. № 5 (25). С. 32.

⁵⁰Lemon A. "What are they writing about us blacks?" Roma and "race" in Russia // Anthropology of East Europe Review, 1995. Vol. 13, No. 2. P. 34-39.

⁵¹Ср.: Cornell S., Hartmann D. Ethnicity and race. Making identities in a changing world. Thousand Oaks, London: Pine Forge Press, 1998. P. 27-29.

того, сегодня эссенциализм нередко является ответом меньшинств на проект создания единой гомогенной российской культуры.

Таким образом, подобно тому, как раса, однажды появившись в научных исследованиях, общественном дискурсе и политической практике, не способна в одночасье исчезнуть⁵², этничность, закрепившаяся в общественном сознании, а тем более в политических и социальных институтах, также обладает большой устойчивостью, причем вне зависимости от эссенциалистского или конструктивистского ее понимания. Ведь, подобно расовой, этническая конструкция организации общества проникает в сознание человека в ходе социализации, впитывается «с молоком матери» и, будучи структурной особенностью социума, постоянно подтверждается социальным опытом.

Итак, в сложении расизма в Западной и Центральной Европе принципиально важную роль сыграли два фактора: внешний, связанный с колониальной экспансией (расизм против чернокожих), и внутренний, вызванный национализмом (антисемитизм). А в США главную роль играл внутренний фактор, связанный с социальной дифференциацией⁵³. Это дает основание французским экспертам говорить о двух принципиально разных моделях расизма: расизм первого типа вел, прежде всего, к исключению, этническим чисткам и, в крайнем случае, к геноциду (дифференциация), а расизм второго типа – к введению социальной иерархии и дискриминации по расовому признаку (инфериоризация)⁵⁴.

В свою очередь в Восточной Европе этнизация была обусловлена особенностями процесса становления местных национальных государств. Там наблюдалась политизация и институционализация этничности в рамках этнофедеративного устройства, пришедшего на смену прежним поликультурным империям (Австро-Венгерской и Российской). В этой обстановке два отмеченных типа расизма самым сложным образом переплетаются, что подтверждает соображение Вьевьорки о том, что в чистом виде они встречаются крайне редко. Скорее можно говорить о ситуативной динамике, создающей благоприятные условия то для одного, то для другого.

Таким образом, формы расизма диктуются социально-политической и социально-экономической организацией общества. Поэтому, если в США расизм традиционно имел дело в основном с крупными человеческими общностями, выделявшимися по соматическим чертам, т. е. с «большими расами», как они видятся физическим антропологам, то в Европе на протяжении всего XIX в. многие интеллектуалы часто не проводили строгих различий между «расой»,

⁵²Omi M., Winant H. *Racial formation in the United States. From the 1960s to the 1990s*. New York: Routledge, 1994; Winant H. *Racism today: continuity and change in the post-civil rights era* // *Ethnic and Racial Studies*, 1998, vol. 21, no. 4. P. 756.

⁵³MacMaster N. *Racism in Europe, 1870-2000*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave, 2001; Fredrickson G. M. *Racism: a short history*.

⁵⁴Taguieff P.-A. *La force du prejudice: essai sur le racism et ses doubles*. Paris: La Decouverte, 1988; Wiewiorka M. *The arena of racism*. P. 5-10, 43-44, 120.

«племенем» и «нацией»⁵⁵. Закрепившись в социальной структуре и социальной практике, такие взгляды до сих пор окрашивают общие представления людей о мире. Например, если в США расизм заставляет американцев населять весь мир «расами» и рассматривать мировое развитие сквозь призму «расовых отношений»⁵⁶, то в современной России этницизм сделал едва ли не общепринятым мнение о том, что мир населен «этносами» и испытывается на прочность бесконечными «этническими конфликтами». Речь идет об «универсализации партикуляризма», как метко назвали это явление Пьер Бурдьё и Лойк Вакан⁵⁷.

В реальности представления о «расе» во многом диктуются структурными факторами, создающими жестко фиксированную связь между гражданством и этничностью. С этой точки зрения, европейское политическое устройство позволяет выделить четыре модели, что можно проиллюстрировать следующей схемой:

Схема. Связь между гражданством и этничностью

этничность доминирующего народа
отождествляется с гражданством
(этнические чистки: нацистская Германия)

тотальное гражданство
(этничность отрицается: Франция)

ступенчатое гражданство
(этничность политизирована и
институционализована:
СССР и Россия)

этничность признается за меньшинствами,
но отделена от гражданства
(мультикультурализм: Великобритания)

Приведенная схема, показывающая возможные виды связи между гражданством и этничностью, демонстрирует контрастные модели, расположенные на двух осях. Каждой из моделей соответствует конкретный образец. Моделью тотального гражданства служит Франция, где республиканское устройство требует неукоснительной ассимиляции и интеграции иммигрантов, чьи права на культурные отличия не признаются⁵⁸. Зато в СССР этничность не толь-

⁵⁵Gossett Th. F. Race. The history of an idea in America. New York: Schocken Books, 1971. P. 122, 124-125; Шнирельман В. А. Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии // Бромлей Ю. В. и др. (ред.). Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 212-213.

⁵⁶См., напр.: Winant H. Race and race theory // Annual Review of Sociology, 2000, vol. 26. P. 169-185.

⁵⁷Bourdieu P., Wacquant L. On the cunning of imperialist reason // Theory, culture and society, 1999, vol. 16, no. 1. P. 41.

⁵⁸Правда, в современной Франции происходит некоторый отход от республиканских принципов в сторону признания этничности.

ко признавалась, но служила основой территориально-политической автономии, и это было унаследовано современной Россией. Между этими контрастными моделями находятся Германия и Великобритания, где этничность признавалась, однако ее связь с гражданством выстраивалась прямо противоположным образом. В Германии до начала 2000-х гг. гражданство строго связывалось с этничностью, но при этом лишь доминирующее большинство («этнические немцы») имело право на гражданство. Зато в Великобритании этничность признавалась только за меньшинствами, однако была отделена от гражданства. Вот почему, как справедливо замечал М. Бэнтон, в разных странах обнаруживаются весьма разные модели интеграции⁵⁹. По той же причине и расизм может там выглядеть по-разному.

Признание этничности могло вызывать прямо противоположные последствия в зависимости от ее оценки – позитивной или негативной. В нацистской Германии отторжение «чужаков» и установка на жесткую моноэтничность привели к этническим чисткам и геноциду. Напротив, в Великобритании отмечалось позитивное отношение к культурному плюрализму, и там это открывало возможность для практики мультикультурализма.

При этом, как показывает опыт, ни одна из выделенных моделей не была застрахована от расизма. Но, если во Франции к одной из разновидностей расизма относят непризнание культурной отличительности (этничности), то в нацистской Германии именно признание культурной чуждости приводило к расистским практикам. В то же время мультикультурализм и, тем более, политизация и институционализация этничности способствуют ее эссенциализации, открывая, тем самым, путь к ее расиализации. Поэтому мультикультурализм не снимает проблему расизма, хотя облакает ее в более мягкие формы. Наконец, советская институционализация этничности имела весьма противоречивые последствия. С одной стороны, она способствовала сохранению этничности и укреплению ее границ, но, с другой, открывала дорогу депортациям, дискриминации и антисемитизму, а в условиях распада СССР обернулась в ряде регионов этническими чистками. Правда, во многих других регионах ничего этого не было, а если и встречалось, то в гораздо более мягких формах. Тем не менее, упомянутые практики оказались унаследованными постсоветской Россией (изгнание ингушей из Пригородного района Северной Осетии и турков-месхетинцев из Краснодарского края, дискриминационные практики против гастарбайтеров и «пришлых торговцев», требования привилегий для «коренного населения»).

Не следует забывать и о том, что самые жесткие меры в отношении «чужаков» принимались в Германии и СССР в условиях тоталитаризма, – ведь давно известно, что наиболее ужасные последствия расизм вызывает тогда, когда он целенаправленно используется государственной политикой. Напротив, в после-

⁵⁹Banton M. Racism today: a perspective from international politics // Ethnic and racial studies, 1999, vol. 22, no. 3. P. 611.

военной Германии при сохранении принципа гражданства «по крови» (*jus sanguinis*) государство отказалось от нацистской практики в отношении этнических меньшинств. Этнические чистки ушли в прошлое, но им на смену пришла дискриминация гастарбайтеров и их детей, получавших отказ в гражданстве. В СССР послесталинского периода политика также смягчилась: депортации уже не проводились, но государственный антисемитизм сохранился. Иными словами, при неизменных принципах гражданства или в рамках одной и той же государственной системы политика в отношении этнических или этнорасовых меньшинств может выглядеть весьма по-разному.

В демократических странах расизм практикуется в более мягких формах, чем в странах с тоталитарными режимами. Однако демократия не служит панацеей от расизма. Азбучным примером служат США, где «Декларация независимости» утверждала, что «все люди сотворены равными». Но при этом один из ее составителей, Томас Джефферсон, не был свободен от расового мышления, и расизм долго оставался в США узаконенной практикой, независимо от этой Декларации. Как такое оказывается возможным? Принципиально важным в упомянутой формуле является термин «люди». Ведь в условиях расового мышления тут же возникает вопрос: а все ли люди являются «настоящими людьми»? Можно ли к «людям» относить чернокожее население? Если, как доказывал «научный расизм» XIX века, чернокожие принципиально отличались от белых как физическими, так и духовными особенностями, то они оказывались, если и «людьми», то «другими людьми», «людьми иного вида». И, по этой логике, положения «Декларации независимости» на них могли и не распространяться. Тем самым, чернокожее население исключалось из «нормальных» социальных взаимоотношений и получало особый статус, создававший основания для дискриминации⁶⁰.

Аналогичным образом, демократия допускает дифференциацию и дискриминацию, базирующиеся на этнических и культурных основаниях, создающих и реифицирующих образ «Другого». Во всех этих случаях «Другой», даже если он выделяется по культуре, воспринимается как «качественно иной», и нет лучшего пути для обоснования такого подхода, чем апелляция к принципу крови или «происхождения». В этом смысле эта ментальная операция, присущая модерну, имеет определенное сходство со средневековым подходом. Различие заключается лишь в том, что средневековый принцип подчеркивал индивидуальные семейные связи и привилегии, а современный, возникший в условиях массового общества, имеет групповой характер и оперирует «воображаемыми общностями». Соответственно, средневековый предписанный статус имел индивидуальный характер, а современный относится к целым группам, описываемым в расовых, этнических или культурных терминах. При этом эксплицитно или, чаще, имплицитно им приписывается «иное качество», якобы производное

⁶⁰Fredrickson G. M. White supremacy: a comparative study in American and South African history. New York: Oxford Univ. Press, 1981; idem. Racism: a short history. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 2002. P. 68-69.

от «иной крови». Правда, если средневековые предписанные статусы освящались традицией, то современные лишь в исключительных случаях опираются на закон (апартеид в бывшей Южной Африке или прежняя дискриминация в США), а, как правило, проявляются в образах «Других» и реальных социальных взаимоотношениях. Кроме того, разделение людей на этнорасовые группы нередко является частью бюрократического учета населения и включается в переписи населения⁶¹.

Чем вызывается такая операция, чем она привлекательна? Современному капитализму имманентно присуща высокая конкуренция в борьбе за доступ к жизненно важным или соблазнительным ресурсам. Принцип гражданского равенства не помогает снизить такую конкуренцию и избавиться от нежелательных соперников. Здесь-то на помощь и приходит возможность исключить их, апеллируя к их абсолютной «чуждости», якобы способной нарушить сложившийся порядок, воспринимающийся в культурных терминах⁶². Отсюда популярная оппозиция «коренной»/«некоренной». При этом культура эссенциализируется и реифицируется в такой степени, что представляется внешним выражением имманентно присущего качества, якобы коренящегося в биологии. Иными словами, происходит биологизация культуры, что и составляет суть современного расизма. Хотя некоторые авторы называют это «новым расизмом», в Европе такая операция является традиционной, ибо еще в XIX в. здесь было привычно отождествлять нации и этнокультурные группы с отдельными расами. Правда, тогда термин «раса» имел очень широкое значение, вовсе не обязательно связанное с биологией. Но и позднее, когда ученые наполнили его более узким биолого-генетическим содержанием, в общественном сознании его связь с этнокультурными параметрами сохранилась. Мало того, тенденция к биологизации этнических групп возникает вновь в русле современных генетических исследований.

Таким образом, модерн, во-первых, допускал групповую дифференциацию вплоть до создания групповых статусов, во-вторых, мобилизовал науку на доказательство естественности этого и, наконец, в-третьих, был заинтересован в этом для создания дешевых трудовых ресурсов или избавления от нежелательных конкурентов. И как бы постмодерн ни желал расстаться с наследием модерна, «политика идентичности» есть прямое следствие последнего⁶³. Но сегодня к ней искусно прибегают культурные меньшинства, чтобы превратить свою слабость в свою силу. В этом и обнаруживается парадоксальное на первый взгляд явление, когда отвергаемый современной постмодернистской наукой эссенциализм представляется меньшинствам безусловной ценностью, позволяющей им находить рациональные аргументы для укрепления своей солидарности

⁶¹Gilroy P. *Between camps: nations, cultures and the allure of race*. London: Routledge, 2004.

⁶²Chesler M. A. *Contemporary sociological theories of racism* // Katz Ph. A. (ed.). *Towards the elimination of racism*. P. 46-52; Humphrey C. *Inequality and exclusion: a Russian case-study of emotion in politics* // *Anthropological theory*, 2001, vol. 1, no. 3. P. 335.

⁶³Gilroy P. *Between camps: nations, cultures and the allure of race*. London: Routledge, 2004. P. 97-133.

в борьбе против дискриминации⁶⁴. Поэтому представители таких меньшинств иной раз враждебно встречают конструктивистские построения современных специалистов и нередко сознательно придерживаются «политики эссенциализации»⁶⁵. Мало того, к эссенциализации культурных различий сегодня обращаются и белые расисты в поисках рационального обоснования дискриминации. Поэтому-то иной раз и возникает странная ситуация, когда расисты находят общий язык со своими жертвами. Например, еще в 1920-х гг. американские расисты поддерживали некоторых афроамериканских интеллектуалов в их стремлении вернуть чернокожих назад в Африку. И впоследствии на протяжении всего XX века белые расисты временами вступали в контакт с чернокожими националистами⁶⁶.

Следовательно, объекты расистского мировосприятия можно представлять в узком и в широком смысле. В узком смысле они связаны с «большими расами», и такой подход до сих пор господствует в США. В широком смысле речь идет о биологизации лингвокультурных или религиозных общностей, что свойственно Европе. Все это влияет и на социологические подходы. Вплоть до начала 1990-х гг. соответствующие исследования велись в США и Великобритании в рамках изучения «расовых отношений». Это – чикагская школа Роберта Парка в США и исследования Джона Рекса в Великобритании. Однако в США такие исследования фокусировались на изучении отношений между «расами», т. е. «большими расами», ибо там считается, что расовую проблематику нельзя приравнивать к этнической: ведь у расы – кардинально иной социальный и политический опыт, иная история, чем у этничности⁶⁷. Напротив, в Западной Европе сюда включалась и этническая проблематика. Например, в своих книгах, посвященных расизму, британские авторы большое внимание уделяют национальности и этничности⁶⁸. Не меньшее место этничности отводит и изучающий расизм французский социолог М. Вьевьорка⁶⁹. Именно такое понимание расизма получает все большее распространение в современном мире, и именно в этом виде расизм существовал и существует в России. В свою очередь совре-

⁶⁴Ibid. P. 12.

⁶⁵Gil-White F. J. How thick is blood? The plot thickens ... : if ethnic actors are primordialists, what remains of the circumstantialist/primordialist controversy? // *Ethnic and Racial Studies*, 1999, vol. 22, no. 5. P. 789-820. См. также: Jackson J. Is there a way to talk about making culture without making enemies? // *Dialectical anthropology*, 1989, vol. 14, no. 2. P. 127-143; Linnekin J. Cultural invention and dilemma of authenticity // *American Anthropologist*, 1991, vol. 93, no. 2. P. 446-449; Grillo R. D. Cultural essentialism and cultural anxiety // *Anthropological Theory*, 2003, vol. 3, no. 2. P. 157-173; Wahab A. Consuming narratives: questioning authority and the politics of representation in social science research // Dei G. J. S., Johal G. S. (eds.). *Critical issues in anti-racist research methodologies*. New York: Peter Lang, 2005. P. 35-36.

⁶⁶Gardell M. *Gods of the blood. The pagan revival and white separatism*. Durham: Duke Univ. Press, 2003. P. 114-117.

⁶⁷Omi M., Winant H. *Racial formation in the United States. From the 1960s to the 1990s*. New York: Routledge, 1994.

⁶⁸Banton M. *The idea of race*. London: Tavistock, 1977; idem. *Racial theories*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998; Solomos J., Back L. *Racism and society*. London: MacMillan, 1996; idem. Introduction: re-thinking ethnic and racial studies // *Ethnic and racial studies*, 1998, vol. 21, no. 5. P. 819-837.

⁶⁹Wiewiorka M. *The arena of racism*. P. 102-118.

менные расисты призывают «белых» объединяться под знаменами «пан-арийского расового национализма». В таком контексте определенную популярность получает термин «расовый национализм» и говорится о «еврорасизме»⁷⁰.

Между тем, было бы неверным относить все беды современного мира на счет этничности. Путь к позитивной трактовке этничности открывает конструктивистский подход. Как справедливо отмечают некоторые швейцарские специалисты, хотя понятия «раса» и «этничность» повсюду используются в коллективном социальном конструировании для четкого отграничения «нас» от «них», их следует различать как принципиально разные концепции. Ведь, если концепция «расы» нагружает биологию и культуру устойчивыми неизменными особенностями с якобы присущими им вечными ценностями и вводит человеческие группы в строгую систему классификации, то «этничность» предполагает только культурные различия, возникающие в процессе социализации, и не пытается сделать группу «природной категорией». Поэтому, если «раса» лишь разделяет людей и ведет к исключению из более широкого социума и сегрегации, то «этничность», по своей исконной сути, имеет более гибкий характер и предполагает возможность пересмотра своих прежних традиций и открытость социальным изменениям. С этой точки зрения, идея «универсализма» подрывает право на приверженность своим особенностям и на их демонстрацию. Тем самым, она плохо соответствует современным реалиям⁷¹. В то же время эссенциализация этничности открывает путь расовому мышлению, и, как отмечает видный шведский социальный антрополог Ульф Ханнерц, это заслуживает постоянной критики со стороны научного сообщества⁷².

В итоге современность бросает вызов традиционному пониманию нации как не только политической, но и культурно-исторической целостности. Нарастание культурного многообразия в самых разных странах и регионах мира делает такое понимание нежизнеспособным и, мало того, провоцирующим бесконечные конфликты и «культурные войны». Современность властно требует отделения культуры от политики. Только это позволит гармоничному сочетанию лояльности основополагающим политическим принципам с культурным многообразием и сохранением отдельных идентичностей.

⁷⁰Webber F. From ethnocentrism to Euro-racism // *Race and class*, 1991, vol. 32, no. 3. P. 11-17; Swain C. The new white nationalism in America: its challenge to integration. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2002; Gardell M. *Gods of the blood*. P. 224-225; Gingrich A., Banks M. (eds.). *Neo-nationalism in Europe and beyond*.

⁷¹Geisen Th., Vogel M. The construction of the self and the other: race and ethnicity in right-wing youth cultures // Heimgartner A. (ed.). *Face of research on European social development*. Wien: Lit Verlag, 2006. P. 314-316.

⁷²Hannerz U. *Afterthoughts* // Gingrich A., Banks M. (eds.). *Neo-nationalism in Europe and beyond*. P. 278-279. См. также: Fredrickson G. M. *Racism: a short history*. P. 7-8.